

Интерв'ю з Дударем Іваном Петровичем, с. Лібенау, 2002 рік

Я - Иван Дударь. Родился 1921 года, 19 ноября. В селе Клишки. Район Шостинский, Сумская область, Украина. Мое детство прошло, как бы сказать, не очень то в роскошной жизни. Отец мой – крестьянин, мать тоже крестьянка. Я воспитывался в крестьянской семье. Дети были до меня и после, но не все выжили. Остался я и мой старший брат 1910-го года рождения. Время это как раз было после революции, земля была дана в собственность крестьянам, землей пользовались и мои родители. Когда мне исполнилось восемь лет, я пошел учиться в первый класс неполной средней школы с. Клишки.

Как война изменила жизнь Вашей семьи и Вашу?

Еще до войны произошли социальные изменения. В 29 году землю отдали колхозам. Многие крестьяне не хотели объединяться в общие хозяйства. Это были очень страшные годы, начиная с 29-го. Кто не хотел, их выселяли или вывозили. Их вывозили в северные районы России. Мой отец был невысокой грамотности, он окончил 4 класса церковно-приходской школы. Чтобы сохранить то небольшое крестьянское хозяйство, чтобы не разорилось, он вступил в колхоз. И была организована там же небольшая бригада. Объединили инвентарь сельскохозяйственный. И тягловую силу, лошадей. Вот таким образом образовался новый уклад социальной жизни.

Закончил я семь классов семилетней школы. В соседнем поселке была уже средняя школа. На время учебы надо было нанимать квартиру, чтобы продолжить обучение. У меня была склонность к художеству, к рисованию. Поблизости город Кролевец. Там организовался техникум

художественных промыслов. Это учебное заведение готовило специалистов среднего класса для предприятий или самостоятельной работы в прикладном искусстве. Там были ковроткачество, вышивка и художественное ткачество. И колористика – специалист по крашению материалов. Я был склонен к ткачеству. Потому что мать моя имела ручной ткацкий станок, изготавливала на нем полотно для домашнего употребления, рушники. Вот я обучался на этом отделении – художественное ткачество. Подходил я к третьему курсу, как началась война. Я возвратился в село. По предварительной комиссии – уже возраст был призывной – моя половина года рождения не призывалась еще, а первая половина года – призывалась. Меня почему-то не взяли на учет мобилизации. Во время оккупации я остался в селе со своими родителями. (...) Село было оккупировано с 1941 года по 43 год, сентябрь.

18:17 Что я могу сказать об этом периоде? Безусловно, что оккупация во время войны никого не радовала. Все боялись оккупационных солдат. Но фронт прошел, солдаты ушли. Натомість явились группа карательных отрядов СС. Эта группа в задачу входила искать враждебных лиц в селе, которые противостоят Германии, вредителей и всяких подозреваемых лиц. Поэтому бесследно это не прошло и в моем селе. Несколько человек было арестовано и отправлено в районный центр Шостка. Некоторых расстреляли на месте. Виноваты они, или невиноваты. Но цель была навести страх. Установили в селе власть немецкую. Поставили старосту. Поставили начальника полиции, а он уже подобрал себе команду.

И вот началась такая жизнь. Я принадлежал к молодежной организации, комсомольской организации. Поэтому все комсомольцы, которые остались в селе, они обязаны были регистрироваться каждую неделю в волости – так назывался сельский совет. В том числе ходил и я. Подозрение падало на нас, комсомольцев, но с нашей группы никого не арестовали. Был донос о том, что у меня находится оружие. Что есть радиоприемник. Полиция первый раз приходила на обыск. Но обнаружить ничего не смогла. Но все время я был в подозрении.

И вот 1942 год, наичнається мобилизации молодежи, девушек, молодых ребят, отправка в Германию. 1942 год, июнь месяц, снова является ко мне полиция. Забирают и отправляют.

Пешком шли в райцентр. В сопровождении немецких окк.солдат специально для этого выделенных. Нас погрузили в товарные вагоны, со всех деревень района и города Шостка. И отправили в Германию. Запасы продуктов безусловно мы взяли с собой. Было такое указание. Ехали через Польшу. До Берлина.

Приехали в Берлин. Открыли вагоны. Всех выгрузили. Первый был наш обед в Берлине. Немецкие солдаты, которые нас сопровождали, то ли шутя, то ли как, говорили: В Берлине вас угостят хорошим вкусным обедом. Охраняющие солдаты приводили очередь в порядок. Здесь некоторые получили первое крещение. Положена была дисциплина. Обед был действительно изысканный, в кавычках: отваренная картошка, в мундире, подлива из муки. После такого обеда снова в вагон и повезли нас дальше.

От Берлина мы ехали дальше на Запад. Остановка была в городе Билефельд. Там нас выгрузили. Полностью всех из состава. Выстроили. Городом провели нас. Повели за город, привели на территорию лагеря, деревянные юаки, окруженные колючей проволокой сверху. Здесь был завод или фабрика, пороховая фабрика, мы так считали. Распределили по цехам. Начались первые дни работы на предприятии. Дисциплина жесткая. Я работал на подготовке целлюлозы, резал на мелкие части. Там же работали и другие иностранные наемные рабочие. Которые приехали по договору на работу.

В октябре месяце 42 года отобрали группу с этих прибывших в Билефельд, погрузили в вагоны, выгрузили на станции Штейерберг. Одежу каждый одел рабочую, не на праздник ж ехали. Наш вид был не особенно-то приличный. Полиция провела нас к воротам Штайерберга. Демонстрировали населению, что прибыли с востока рабочие. И пешком мы пришли в лагерь. Такой же: деревянные бараки, ограждены проволокой колючей. Такая же дисциплина. Проходили частые проверки в бараках. За замечания, и тому подобное – происходило наказание, то есть палочная дисциплина. Или сильная пощечина.

38:11 Питание было плохое. Суп готовили с брюквы, шпинат, капуста и свеклы ботва. Никаких примесей, которые бы давали поддержание здоровья, не было. Давали 300 г хлеба. Но этот хлеб не был настоящим хлебом. Мог сохраняться один сутки не больше. Он был какой-то полусырой. И 20г маргарина. И немножко сахара, не помню сколько грамм. Это было суточное питание. Но порядок приема пищи в наших условиях и немецких условиях - разные. Мы съедали полностью и этот суп с хлебом. И каву пили с маслом и цукром первые дни. Пока не поняли, что это мы неправильно делаем, – съедали все это сразу. Поэтому на ужин ничего не оставалось. На завтрак тоже нет. Только в обед, потому что варили только в обеденный перерыв. И эрзац-кофе. На работу мы шли, не завтракавши. Это заставило нас думать, как же выживать. Мы начали хлеб делить. Оставлять на завтра.

Строили нас в колонны, с лагеря шли пешком до пороховой фабрики в сопровождении полиции. С предупреждением, влево-вправо отклонения, будешь убит. Выпровожали с лагеря по счету, на фабрике, когда прошли проходную – тоже самое, пересчитывали и вручали мастерам по участкам работы. В разные участки этой фабрики попадали люди. Я буду о себе. Меня взял симпатичный, думаю, что немец, молодой, лет 30, взял два человека- меня и товарища – и повел на работу в цех, где производится разгрузка цистерн. Перекачивали кислоту в большие цистерны. Чтоб было понятнее, он мне написал формулу. Это была ? и азотная кислота. Поскольку я учил химию, мне было понятно. Эта кислота была предзначена для изготон взрывчатых веществ. Проработал там несколько месяцев, не помню. И перевели меня на более ответственную работу. Вручили мне цех ?смесью этих двух компонентов. И немножко добавки возврата с производства цеха отжимки целлюлозы. На каждой цистерне была табличка. Пустая – леер, и полная – фолль. В стороне был склад, откуда из разгрузки, т.н. «цапфштелле», поступала кислота у склад. В складе

тоже были большие цистерны. Они находились ниже в земле, сверху крыша, так что когда я заходил туда, крыша была на уровне меня – замаскированная.

Я должен был перекачивать оттуда салпетер, олиум (*наверно – петролеум???*), делать смесь этих двух компонентов и подавать в цех для изготовления массы на центрифуги для отжимки целлюлозы, сваренной кислотой. В одном здании, в отделении, стояли компрессора. Они нагоняли аммиак для охлаждения цистерн, потому что при смешивании получалась сильная температура. На компрессорах работали голландцы и бельгийцы. Аммиак это очень едкое вещество. Он нагонял иней, мороз на цистернах. Это делалось для того, чтоб при определенной температуре надо было смешивать из целлюлозы, чтоб не было взрывов при работе центрифуг. Так началась моя работа там. Работали мы в три смены. Товарищ со мной, и перевели туда еще серба. Мы втроем в три смены сменяли один другого. Как жидкость то я знал, что это за кислоты, но я не знал вредности этих кислот, потому что я не сталкивался с ними. Не имел понятия, поэтому я работал открыто. Но нам и не выдавали ни респираторов, ни противогазов. Вот при таком питании и при такой работе, безусловно, что наши люди начали падать со слабости, ноги начали пухнуть. Полицаи смеялись с нас, что нам надо меньше кушать соли. А солить то было нечего. Ноги слабели. Работа непосильная.

54:05 Особенно на работе на центрифугах. Физически там невыносимо было работать. Не помню, сколько точно туда загружалось, 300 или до 500 кг? – массы. Она крепко приклеивалась к центрифуге. И щипцами в две руки, отбиваю, в центр центрифуги, водой это смывается. Это физически была очень тяжелая работа. При таком питании люди падали в обморок. В лагерь еле доходили. Мастер с цеха сдавал нас полицейским по счету. И по счету принимали в лагерь. Я знаю некоторых, которые работали на центрифуге, что они недоработали до конца войны. В этом цехе, где я работал, мои коллеги – серб и наш - попали в барак-изолятор, туберкулезный. Они домой не вернулись. Такая же судьба ожидала и меня. Но, наверное, есть Бог. Который сделал мне хотя и большую травму, но зато я выжил и возвратился. Летом в июне месяце 44 я находился уже в лагере, меня лечили, потому что перелилась цистерна кислоты, пролилась. Как получилось? Висела бирка. Что цистерна пустая, порожняя, я начал заполнять ее, а оказалось, что там была кислота. Я был внизу, кислота сильно пошла с цистерны. Мне надо было принимать меры. Я растерялся и мне обпекло ноги. Таким образом, я остальное время прожил в лагере до окончания войны. Вылечил кое-как свои ноги, кожа зажила.... Разрешили мне ходить до бауера работать, то есть я подрабатывал и этим самым я поддерживал свое здоровье.

Продовження інтерв'ю з Іваном Дударем:

0:00:29 Я хотел бы дополнить о физическом состоянии, представьте себе состояние остарбайтеров в лагере помимо физического и морально-психологическое состояние работников в лагере на фирме «Айбиа». Это Либенау. **Во-первых, когда я работал, на меня это**

психологически давило, потому что я понимал, для чего готовится порох, куда он будет употреблен, для каких целей - для уничтожения человечества.

Ведь бомбы, снаряды на войне использовали против мирного населения и солдат, которые на фронте. А там воевали мои отцы, мои братья, товарищи. Среди населения бомбы падали на мои села и города. И вот поймите мое тогдашнее положение. После работы возвращался я в барак, и вовремя сна мне снились кошмары. Мне ввижалось, как горять города, села, как падают под этими бомбами и снарядами люди и погибают. От этих кошмарных ужасов я прокидался. 0:05:14 Это меня изнуряло более, чем физические издевательства.

Не отдохнув, как следует, идешь на физическую работу. Это то, что я хотел дополнить о том, что я говорил на прежней встрече.

Пятого апреля 1945 года лагерь Штейерберг и само селение Штаерберг было освобождено английскими войсками. За три дня, и даже более, за 5 дней, лагерное руководство и охрана вся покинула.

Каким был день в лагере? - Должен сказать, что все время себя подвергаешь каким-то неприятностям. И может, сам я и не верю в сны, но они меня всегда предупреждали. Если мне приснится, что я броюсь, так и ожидай в этот день неприятностей. Или на работе от мастера, или в лагере от полицейского надзора. Или получишь крепкую пощечину, это еще малое. Или избиение. Однажды нас выстроили на плац. Это было в зимнее время. Январь месяц. Здесь климат то более-менее, но все-таки холодно. В том цехе, где я работал, кислотном, выдавали спецодежду, шерстяной грубой шерсти костюм. Мы должны, приходя на робту, переодеваться, свою одежду сдать, а эту одевать.

Было холодно, я брюки сбросил, а эту спецовочку оставил и одел поверх свое, и так явился в лагерь. Здесь в же лагере выстроили нас на плац, кто пришел из завода. Кто с чем пришел, кто что принес. Проверка. Полная проверка. Кто кусочек хлеба, кто ворованную картошку или может, колбасы там, это все проверялось, надо было расстегнуться, тебя везде общупали, просмотрели, и сам приходил лагерьфюрер. Вот он заметил на мне спецовку, потому что я расстегнулся. Ну я получил двустороннюю пощечину и он строго сказал: «Это выносить с завода нельзя». Такие же процедуры проводились и в ночное время. Всех выгоняли на плац из барачков, полицейская группа проходила по комнатам, по барачку, то же самое все переворачивали и проверяли что в кого есть. Недопустимое. И подвергались наказанию.

Какие штрафы?

Самые (частые?) наказание были за воровство. И побег. Перед всеми ложили на скамейку, привязывали и избивали.

- Помните ли Вы фамилию начальника лагеря, Регенталь?

Это было 60 лет тому.

А избивания были при всех, чтоб всем не было повадно.

- Кто проводил эти наказания?

Проводили больше фольксдойче. В том числе было здесь в нашем лагере трое наших, полицейских, украинцев. Немцы сами рук не прикладывали.

Описание рабочего дня

Подъем у нас был в 5 часов утра. Построение на плаце. К 6 часам чтоб все были готовы: выстроены, просмотрены, посчитаны. Приходили полицейские. Один впереди, один сзади, два по бокам. Строгое предупреждение: влево-вправо – будем стрелять. Эта колонна двигалась на работу. Пройдя проходную фабрики, мастера разбирали «своих» остарбайтеров по своим участкам. Мастерами были в большинстве бельгийцы.

- Как шли, какая была дорога?

– Это была песочная дорога с тыла лагеря. А центральная дорога на фабрику была асфальтированная, но нам по нему нельзя было ходить, мы ни разу не ходили. Бельгийцы, голландцы, чехи, редко – был немец. Отработавши время, он же приводил до проходной, сдавал полицейскому. Полицейский принимает по счету и приводил в лагерь. Обед нам готовится только один раз в день. Хлеб, который выдавали, 300 грамм, где-то 20 гр маргарина, одна или две чайных ложек сахара. За кофе мы ходили к котлу, где было готовое и можно было набирать. Хлеб мы должны делить надвое: на ужин и на завтрак. Отбой в 11 часов. Выключался свет.

44-й год, когда открылся второй фронт, начались налеты авиации, и когда шли они в наш район, выли сирены, нас выгоняли с лагеря. Были бомбоубежища, земляные канавы и сверху дерном накрыта земля, рядом с бараками. Большинство не хотели выходить. Было безразлично. Все равно где погибнуть: или под палкой или под бомбами. Поэтому выгоняли насильно, мы выходили, прятались. Но слава Богу, ни одна бомба на лагерь не впала. То есть Бог нас пожалел.

В лагере был распорядок дня. Объяснили, что мы имеем право делать, чего не имеем. Строго-настрога предупредили: при нарушении – наказание. Было не без того. Люди голодные. Распоряжаться своим пайком они не научились. Некоторые пытались подойти к кухне, а там был склад. Шпинат-то никто не брал, а вот капусту, брюкву пробовали взять. Но это безнаказанно не проходило. Это было под жестким контролем. Поднимали нас в 5 часов утра. Ходили по бараку – ауфштейн, ауфштейн [голос Катерины Дерев'ялко]. Раус! Выстраивали на плац в колонну, делалась еще проверка. Посчитали и «ап» на фабрику. В сопровождении полицейских, особо молодых не было, поскольку тотальная мобилизация была, поэтому большинство были старички, сопровождали нас. Полицейские впереди, два по бокам, и четвертый сзади. Мы не имели права ни шагу ни в один бок сделать. Так колонной мы двигались на фабрику. Это была тыльная дорога с лагеря на фабрику. Перейдя проходную фабрику, полицейские сдавали нас мастерам по участкам. Разводили. И мы приступали к работе. По окончании работы (восьмичасовой рабочий день). По сменам, в три смены работали. 0:31:56 У меня работа была сначала в кислотном участке. Кислота олинг (соляная кислота) и салпетер – учащиеся формулы должны знать. Эти кислоты

предназначены для изготовления взрывчатых веществ. Смеси с целлюлозой, они давали потом результат – пероксилин. Эту кислоту мне объяснил мастер, написал мне формулу. Поскольку я учился и химию знал, я сориентировался, что эта за кислота. Единственное, что не знал – какую вредность приносит при обращении с ней. Моя задача была – выгружать цистерны, которые подкатывали. С цистерны в большие цистерны склада, тут возле разгрузки. Выгрузка производилась воздушным компрессором. Когда выкачано, мы откатывали цистерны в сторону. Этот процесс проходил в три смены. Работали по 8 часов.

- Когда вы менялись сменами?

Первую смену я, вторую – товарищ, и третью – серб. На неделю так, потом менялись.

- Были перерывы во время работы?

Был перерыв получасовой. Как обычно. Если есть что перекусить. Обычно не было. Потом меня перевели на второй участок, более сложный, более доверенный. Смешивать два компонента один с другим для получения необходимой концентрации для переработки целлюлозы.

На каждой цистерне висела табличка. Даная цистерна пустая (леер). На другой – табличка «фолль» - полная. Принимая все цистерны, я должен проверить штангой по значениям, в сантиметрах померять. Рядом был склад, в который перекачивались кислоты из цапфштелле. Большие тоже цистерны. Вот оттуда я должен брать, наполнять свои, смешивать. Путем замера штанги (щупа).

Первые дни этой работы на новом процессе производства, безусловно, я сам не работал, и каждый остарбайтер проходил определенное обучение. Меня обучал бельгиец, маленький такой, веселый. А потом оставил меня уже, но еще приходил и наблюдал. Он наведывался. А когда я уже разобрался, он мог приходиться раз в день, или может уже на второй день. Эта кислота подавалась в 4-этажное здание, где она применялась для смеси с целлюлозой. Опасно было там в этом цехе, где установлены центрифуги и отливали эту массу, протравленную. Подготовленная масса заливалась в центрифугу. Центрифуга должна вращаться определенное время, там засекалось время. И потом останавливалась. Масса отжата от кислоты. Центрифугу открывали. Эта масса очень крепко прикреплена к центрифуге центробежной силой. Клещами берут эту массу и выбрасывают в проточную воду, там разбивается на куски и подается по трубам дальше. Этот цех очень большой физической нагрузки. С истощением. Нашим остарбайтерам было работать тяжело. Нам приходилось. От поры до времени центрифуги взрывались. Причину мы не знали, а мастера знали. Вот когда центрифуга взорвалась, идет оттуда коричневый едкий дым. Этим газом заполнялся полностью весь участок. Все видно как через матовое стекло. Все бросали выгрузку, открывали окна и двери и выходили на веранду, на площадку. Позже было меньше взрывов. Видно, были какие-то недоработки.

И вот я вам приведу один трагический случай. На этих центрифугах работали большинство остарбайтеры. На других процессах работали французы, голландцы, итальянцы, другие

национальности. Самый верхний этаж – это была целлюлоза. Она поступала резанная на машине (там работали женщины) в бункер, с бункера она шла на смесь с кислотой, получалась нитроцеллюлоза. Возле бункера обслуживал француз, вольнонаемный, он приехал с женой. Эта симпатичная пара. Оба маленькие, невысокого роста, веселый, общительный. Он с нами общался. То есть он нам нравился, шутил, хоть мы и не понимали. Ночной перерыв, 30 минут. Он прилег и уснул. Начали центрифуги на верхнем этаже работать и центрифуга взрывается. Он услышал запах и начал оттуда бежать. Но настолько густой этот дым, что он не мог найти дверь. И задохнулся. Вот такая трагическая работа.

Это вам как пример, чтоб вы знали, в каких условиях мы работали.

На смеске кислоты в смене работали один украинец со мной, с моего края, только с другого села. И серб. И вот нас трое сдавали один другому смену. Эта кислота – **нам не выдавались ни респираторы, ни противогазы, а только защитные перчатки, гольцшуги и этот костюм с шерсти, с серой такой шерсти. Почему костюм шерстяной? Потому что кислота не так его разъедала.** Как вы знаете, щелочь шерсть разъедает. А кислота не очень-то разъедает. Еще один пример в отношении кислот. (Когда я уже на фабрике в Кролевце работал)

Было крашение пряжи. И краситель растворялся в гидросульфите – это щелочь. Один рабочий крадькома хотел покрасить свой шерстяной костюм и бросил в этот чан, а оттуда вытянул «массу».

- *Было ли личное время?*

– Усталость была, сильная усталость. Мало того что на работе, так и питание... Апатия ко всему. Хотя я мог бы заниматься. Рисованием. Все-таки я художник. Два курса окончил художественного училища. Но я не признавался в лагере, что я художник. Из-за своего предвидения. Если узнают, что я зарабатываю на хлебные карточки, будет наказание. Тем более, могло бы получиться, что мне бы сказали нарисовать фюрера, Гитлера. Для кабинета начальника лагеря. В общем, я как-то предусмотрительный в этих вопросах. Представьте, если бы приехали потом наши представители во время освобождения, и мое положение – представьте, на 20 лет был бы сразу осужден тройкой, в Сибирь.